

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Алая Эллада

Глава первая

Память в чернильных строчках

«Где я?»

Мысль звучала слабо, робко. Или верней назвать ее внутренним голосом?

«Кто я?»

Голос был женским, и то, что он спрашивал, вызвало страх. Удушающий, острыми когтями скребущий душу. Ведь там, под черепной коробкой — чернильное ничто. Кем бы она ни была, из нее вынули все воспоминания. Выели их, словно устричное мясо из раковины, оставив голову пустой и гулкой.

Она резко выдохнула, окончательно сбрасывая с себя, как кисею, остатки сна. Итак, она знала, что на свете существуют устрицы со своими раковинами. Что еще?

Приподнявшись на локтях, она обнаружила, что укрыта лишь тонким покрывалом, хотя по комнате, как свободолюбивый кот, всюю гулял ветер. Была ли знакома ей эта комната, до краев залитая, обласканная утренним светом? Она ждала импульса — хоть какого-то знака, хоть краешка воспоминания; уголок, за который можно потянуть, чтобы шелковой нитью намотать на кисть остальное.

Гулкая, мягкая пустота. Та часть ее разума, где хранились воспоминания, — опутанный паутиной и запорошенный пылью чердак заброшенного дома.

Взгляд, блуждающий по комнате вместе с ветром, наткнулся на желтый стикер на стене: «Тебя зовут Деметрия Ламбракис. Знакомые и родные называют тебя Деми».

— Деми, — тихо повторила она.

Теперь ей, знающей собственное имя, дышалось чуть легче. И все равно страх бился где-то внутри, под тонкой оболочкой кожи.

«Почему я не помню?»

Еще один стикер — еще один ответ: «У тебя очень редкая форма амнезии».

И хотя формулировка насторожила, знать причину, по которой ни одно воспоминание не спешило к ней приходить, уже неплохо.

Деми выбралась из постели. Отразившееся в зеркале лицо показалось чужим — настолько, что она, пожившись, поспешила отвернуться. Незнакомка в отражении исчезла, зато в поле зрения появились новые стикеры.

Ей семнадцать. Она учится в школе и немного играет на фортепьяно. Немного, видимо, оттого что постоянно забывает ноты выученных мелодий. Приписка: «Остальное узнаешь у мамы» вызвало вздох облегчения, а после — мимолетную улыбку. Кем бы она ни была, какие бы препятствия амнезия ни двигала на ее пути...

Хорошо, что у нее есть мама.

Случайный взгляд за окно, на верхушку виднеющейся вдаль церкви — и память, что еще мгновение назад казалась пустой, подсказала: это церковь Святой Марии. Опершись о подоконник, Деми жадно вглядывалась вдаль. Она знала, что там, за окном — крохотная красочная Каламбака*. Улицы оживали перед глазами, словно панорама, словно фотосним-

---

* Каламбака — маленький городок в материковой Греции на западной окраине Фессалийской долины.

Д
И
А
Н
А
Б
Л
Э
Р

ки или кадры однажды увиденного кино. Но вспомнить, как она гуляла по городку у подножия скал, о чем думала, бродя среди домиков с красными крышами, так и не смогла.

Прекрасно зная, что представляет собой мир и что в нем сейчас происходит, Деми не могла ответить на самый главный вопрос: кто же она такая? Как она учится в школе? Что любит есть на завтрак? Чем занимается в свободное время (кроме игры на фортепьяно, о чем ей сообщил безликий стикер)? Ни одного, даже самого незначительного или глупого факта о себе Деми назвать не могла.

А ведь она даже знала, что амнезия такой не бывает.

Резко выдохнув, Деми убрала руку с подоконника, чтобы не видеть, как дрожат пальцы. Желудок скрутило спазмом. Ей предстояло знакомство с собственной мамой... И вероятно, с самой собой.

Деми усилием воли стряхнула с себя оцепенение. Стоять, уставившись на стикеры или до рези в глазах вглядываться в окно, будто окружающий мир таил в себе все ответы, легче, чем начать действовать. И все же, все же...

Она покинула комнату, так и не ставшую ей родной. Не потребовалось вспоминать, куда повернуть, — тело само вело ее.

Один взгляд на стоящую на кухне женщину, и из незнакомки она превратилась в ту, о которой Деми при желании могла бы написать целую статью. Но мозг ее не взорвался ворохом воспоминаний, а запестрел голыми фактами, что всплыли откуда-то изнутри.

Эту невысокую женщину с голубыми глазами (свой карий цвет Деми, вероятно, унаследовала от отца) и ухоженными волосами звали Элени. Она работала юристом, носила элегантные брючные костюмы, три раза в неделю занималась фитнесом

в дорогом клубе, но при этом до безумия любила посыпанные сахарной пудрой и тающие на языке курабьедес*.

Странно осознавать, что Деми смотрела на собственную маму, чью биографию помнила до мельчайших деталей... И совершенно не знала саму себя.

Она помнила сдержанную, вежливую улыбку Элени, что предназначалась людям чужим, посторонним. Помнила и заразительный смех, который доводилось слышать лишь самым близким. В такие моменты всегда безупречная леди казалась совсем девчонкой — искренней, яркой как вспышка и взрывной. Деми не помнила только, что у этой леди есть дочка по имени Деметрия. Та, что унаследовала от матери если не цвет глаз, то миниатюрность и блестящие темные локоны.

— Привет.

Улыбка у Элени слегка натянутая, взгляд настроженный — готовится, если будет нужно, успокоить дочь.

Дочь...

— Привет. Амнезия, значит? — несколько нервно произнесла она.

Ощущения, что стоящая перед ней женщина — чужая, отчего-то не возникало, хотя Деми не могла вспомнить ни одного разговора с ней. Собственное отражение в зеркале подходило на роль незнакомки куда больше.

Уголки маминых губ опустились, но лицо расслабилось.

— Ты очень любишь чай, — после паузы поделилась она.

Деми тихо рассмеялась. Еще один факт в ее копилку.

— И собак, — добавила Элени.

Д
У
Ш
А

П
А
Н
Д
О
Р
Ы

* Курабьедес — греческое печенье с жареным миндалем.

Д
И
А
Н
А

Б
Л
Э
Р

Она сделала жест рукой, приглашая сесть к столу, пока наливала чай и наполняла хрустальную вазочку с медом. На самом столе обнаружили остывающие тиганитес* и еще одна вазочка с толчеными грецкими орехами.

— Ты уговариваешь меня завести щенка последние пару лет. — Она запнулась. — У меня аллергия, но ты постоянно об этом забываешь.

Не упрек — простая констатация.

Рука застыла в воздухе, не донеся тиганитес до рта.

— Это у меня с рождения? — Деми поморщилась. От того, что она «это» произнесет, хуже не станет. — Амнезия?

Элени кивнула, быстрым нервным жестом проведя рукой по волосам.

— Причем такая, которая не поддается никакой классификации. То есть она редкая... чрезвычайно. Я собирала информацию. Такие люди встречаются, но один раз за десятки лет.

— И в чем же именно проявляется ее уникальность? — медленно спросила Деми.

— Каждую ночь во время сна из твоей памяти стирается вся информация о тебе, о твоей личности. Все, абсолютно все прочее остается нетронутым или же вспоминается в течение дня.

Кухню наполнила напряженная, звенящая тишина.

«Как я реагировала раньше? Плакала? Долго отходила от шока?»

А ведь это «раньше» действительно существовало. Вся ее жизнь — постоянный цикл забвения и обретения воспоминаний.

— Ты росла почти обычным ребенком. Почти. Так же училась считать и писать, как и другие дети, дава-

---

* Тиганитес — греческие оладьи с хрустящей корочкой. Их часто подают, густо поливая медом и посыпая грецкими орехами.

ла куклам имена... Только свое постоянно забывала. Нас с твоим отцом это настораживало, но не пугало. А потом стало ясно, что с тобой происходит что-то неладное.

— Отец ушел из-за этого? — резко спросила Деми. — Он же... ушел?

Вывод сложился из воспоминаний об Элени, в которых та всегда оставалась одна. Нет, конечно, рядом находились коллеги, знакомые, приятельницы... И мужчины, которые, судя по взглядам, обращенным на Элени, были совсем не против стать Деми если не отцом, с чем уже опоздали, то отчимом.

— Да, но... — Мама растерялась. — Нет, не думаю. Господи, каждый раз говорить тебе об этом... Прости. У него другая семья, но он души в тебе не чаёт. Часто приезжает, постоянно интересуется, как у тебя дела. Просто... так вышло. Даже думать не смей — в этом нет твоей вины.

Деми кивнула, рассеянно глядя в окно. Теперь она припоминала рослого кареглазого мужчину, что разговаривал с мамой. Но не с ней.

С тех пор, как проснулась, она воскресила в памяти несколько человек и целый до тонкости прорисованный городок. Словно реставрировала старинную книгу, давая новую жизнь каждой из хрупких страниц, или строила замок из спичек — медленно, по одной крохотной детали. Однако любая попытка вспомнить, как кто-либо из так называемых знакомых обращается к ней самой, а не к ее родителям или посторонним, оборачивалась неудачей.

Деми была призраком в собственных воспоминаниях. Тенью, что отбрасывает человек, тенью, что лишь наблюдает за миром живых, но стать его частью не может.

— Если я просыпаюсь, уже себя не помня, значит, потеря памяти происходит во сне? А что, если...

— Не спать? Ты пробовала, милая. Это еще хуже.

Деми перевела взгляд на маму, требуя конкретики. Элени вздохнула, явно не желая расстраивать дочь еще сильнее. Но она должна понимать: когда восприятие себя и мира размыто, словно картина с холста, на который пролили воду, ценна каждая деталь, каждый крохотный элемент пазла.

— После полуночи... С каждым часом ты начинала понемногу забывать. Сначала незначительные факты, потом — целые годы. Все, что воссоздавала на протяжении минувшего дня. И смотреть, как ты по кусочку теряешь себя... Это жутко.

Деми отодвинула тарелку. Аппетит пропал, так и не появившись.

— Пойдем, кое-что покажу, — мягко сказала Элени.

Вслед за ней Деми вернулась в спальню. Пройдя к тумбочке у окна, Элени выдвинула нижний ящик и поманила ее к себе. Ящик оказался полон крохотных блокнотов на спирали.

— Это все ты. Твоя история.

— Дневники?

— Что-то вроде, хоть ты не раз говорила, что вести дневник в твоем возрасте — это глупо. Там заметки о тебе, отражение твоего самопознания, понимания самой себя.

Элени улыбнулась улыбкой отстраненной, почти печальной, проведя пальцем по корешкам. Деми замерла, не дыша.

— Записи, случается, разнятся. Ты пишешь, что обожаешь черный цвет, а две страницы спустя радуешься, что купила роскошный красный топ, ведь твой цвет — красный. Ты подросток, это нормально. В одном блокноте ты говоришь, что обожаешь нежиться на солнышке, а в другом — тогда в Каламбаке была аномальная жара — просишь увезти тебя на север, — рассмеялась Элени. Заметив взгляд Деми, объяснила: — Каждый день ты разрешаешь мне их

читать. И каждый день я предлагаю тебе сделать то же самое. Ты всегда отказываешься. Просто берешь чистые и начинаешь с нуля. Однажды я спросила тебя, почему.

— И? — заинтересовалась Деми.

— Ты сказала: «В этих блокнотах — лишь ничего не значащие для меня слова. Черные буквы на белом в синюю клетку фоне». Чтобы понять, кто ты такая, тебе нужно не прочитать, а...

— Почувствовать, — тихо сказала она.

Элени кивнула, ласково скользнув ладонью по ее руке.

— Вот почему каждый новый день ты берешь новый блокнот и заново пишешь свою историю. Сделай так и сегодня.

Деми кивнула. Из стопки чистых блокнотов («Купленных наперед», — подумала она с холодком в груди), выбрала один с черной обложкой и золотистым, красиво бликующим на свету абстрактным рисунком.

— Если хочешь, я побуду с тобой, — неуверенно сказала Элени.

— Все нормально. Правда. Но я хочу немного...

— Побывать одна.

И разложить по полочкам всю распадающуюся на неравные куски реальность.

Деми кивнула.

Дверь за Элени тихо закрылась. Деми окинула взглядом комнату, усыпанную стикерами, словно осенней листвой. Снимать не стала — еще пригодятся... И, вероятно, не единожды. Собственное бессилие вызвало глухое раздражение. Что ей остается, если медицина, по словам мамы, бессильна? Безропотно ждать новый день, который сотрет все воспоминания, точно торнадо — попадающиеся на пути хлипкие дома? Слизнет волной забытые на берегу вещи и схлынет, оставив вместо памяти чернильную пустоту.

Среди бастиона из тетрадей и учебников на компьютерном столе примостился новенький ноутбук. Наклеек на крышке, что могли чуть больше рассказать о ее вкусах (и, может быть, о ее чувстве юмора или отсутствии такового) нет. Возможно, она консервативна? Сдержанна? Просто не любит портить чистое пространство излишними элементами? Стикеры на стенах ее комнаты — не в счет.

Деми со вздохом откинула крышку ноутбука. Как только экран загорелся, открыла браузер, следом — историю просмотров. Ей даже задумываться о своих действиях не приходилось — пара уверенных кликов мышки, и готово. В истории поиска сплошным потоком слово «амнезия». Она последовательно кликнула по самым первым и углубилась в чтение.

Её случай не подпадал ни под один из существующих типов амнезии. Так казалось поначалу, после изучения самых популярных статей, которые выпали по запросу. Через пару часов тщательного поиска по ключевым словам Деми нашла куда более любопытные исследования.

Так, профессор университета Аристотеля в Салониках Александрос Папаиоанну в своей работе рассматривал редкий вид амнезии, который, как и сказала Элени, встречался раз в несколько десятков лет. Симптомы похожи до мурашек: сохранение памяти о всех прошлых и настоящих событиях, что затрагивали окружающий мир и близких людей (что уже не характерно ни для ретроградной, ни для тотальной, ни для прогрессирующей амнезии), но ежедневная потеря любой личной информации. Включая даже имя.

Деми выписала имена больных этим видом амнезии — всех тех, чьи истории профессору Папаиоанну удалось проследить. Все они были женщинами, и все — гречанками. Не всегда по крови (был и ребенок от смешанного брака, и чистокровная англичан-

ка, чьих родителей занесло в Грецию задолго до ее появления на свет, и русская, чья семья поколениями жила здесь), но обязательно — по рождению.

— Невероятно, — прошептала Деми, глядя на перечень имен и список греческих городов рядом.

Однако главное потрясение ждало впереди. Листок пополнился датами рождения женщин, чьи симптомы болезни вторили ее собственным. Если им верить, в мире никогда не существовало двух таких женщин одновременно. Более того, дата смерти одной страдающей амнезией близко соседствовала с датой рождения другой. Разница между ними чаще всего составляла девять месяцев, гораздо реже — семь. Тот самый срок, который необходим, чтобы выносить ребенка.

Странная болезнь, выходящая за рамки всех существующих классификаций, будто не желала покидать этот мир. Будто обладала собственной волей. И когда умирал один человек, она каким-то неведомым образом «заражала» собой другого, что спустя несколько месяцев появится на свет.

Неудивительно, что в статьях на первых страницах поиска об исследованиях профессора Папаиоанну не говорилось ни слова. Его версию существования амнезии, названной им «личностной» или «персонифицированной», научное сообщество единодушно нарекло антинаучной. Отчасти Деми их понимала: выводы профессора Папаиоанну звучали слишком фантастично, чтобы люди науки приняли их всерьез. Его даже обвиняли в том, что он фальсифицировал часть данных, чтобы они вписывались в его теорию. Или же кто-то сделал это за него в попытке создать очередную мистификацию.

А Деми сидела, ошеломленная, не зная, что и думать. Она ни много ни мало была прямым доказательством этой «антинаучной» теории. Последняя женщина с «персонифицированной» амнезией умер-

Д
У
Ш
А

П
А
Н
Д
О
Р
Ы

Д
И
А
Н
А

Б
Л
Э
Р

ла пятого марта в городе Миконос. А девять месяцев спустя в городе Каламбака на свет появилась Деметрия Ламбракис.

Она откинулась на спинку стула, устало потерла глаза. Приходилось признать: ее небольшое расследование почти ничего не прояснило, лишь добавило новых вопросов. Без ответа остался и главный. «Кто я?» Или: «Какая я?»

Дерзкая или миролюбивая? Веселая или угрюмая? Тихоня или острая на язык? Спокойная ли она или у нее взрывной характер? Есть ли у нее друзья? Кричит ли она, увидев паука или мышшь? Любит ли сладкое? Придет ли людям на помощь или отвернется, когда кто-то в ней нуждается?

Из этих крохотных песчинок и состоял ее внутренний мир. Так много, казалось бы, мелких деталей, что, сплетенные воедино, и составляют ее личность. А Деми ничего о них — о себе — не знает.

Взять хотя бы эту комнату. Здесь столько личных вещей, безделушек, впитавших в себя частичку ее души, порцию ее воспоминаний. Деми смотрела на них — игрушечную ламу, ночник на изогнутой ножке, подставку для ручек в виде пузатой чайной кружки, брелок в форме сердца, зеркальце в старинном стиле, — а они продолжали оставаться лишь безликими предметами. Почему в свое время она купила их? Почему выбрала именно такой цвет, такую форму?

Оказалось, не знать себя — это страшно. Страшно, когда в знакомом до мельчайших деталей мире незнакомым остаешься только ты сам.

Деми вышла из комнаты с накинутым на плечо рюкзаком и чистым блокнотом в руках.

Пора писать заново свою собственную историю.

Глава вторая

Отголоски воспоминаний

В школе все оказалось слишком привычно для человека, который только что начал жизнь с чистого листа. С белого листа, на котором еще на рассвете не было ни единой кляксы, слова, строчки, ни одного воспоминания о ней самой. Войдя в класс, Деми направилась к своему месту, хотя все попытки вспомнить, как она сидела за ним, оборачивались ноющей болью в висках.

Одноклассники вели себя с Деми вполне дружелюбно. Кто-то спросил, чем она занимается в выходные, чтобы пригласить на домашнюю вечеринку, кто-то был озабочен несделанным домашним заданием, а кто-то практиковался в остроумии, обсуждая новый роман математички.

Имена всех этих «кого-то» Деми знала. Не знала только свое отношение к ним. нравятся ли они ей? Дружат ли они? Знает ли хоть кто-нибудь из них о том, что с ней происходит каждую ночь?

Знакомые лица учителей, одноклассников, школьной команды по легкой атлетике... Ряды лиц, обычные фотокарточки, лишённые эмоциональной подоплеки. Лишённые какой-либо связи с ней.

В телефоне список номеров и гроздь эсмэсок, показавших, что приятельско-дружеские отношения у Деми все же имелись. Вот только ни на парня, ни

Д
И
А
Н
А

Б
Л
Э
Р

на лучшую подругу, о которых умолчала и мама, нет и намека. Вероятнее всего, дело именно в ее «особенности», которая намертво рушила все возникающие связи с первым же рассветом. Допустим, прониклась Деми к кому-то симпатией... А дальше что? Ночь пройдет, и эти люди — что подруга, что романтический интерес — превратятся в сухой список фактов из их биографий. Обезличенных, не имеющих никакого отношения к ней самой.

Одиночество накрыло ее тесным, жарким плащом, сдавило так, что она побоялась задохнуться. Помог стакан холодной воды из питьевого фонтанчика.

А еще — крохотная, но надежда.

После школы Деми заглянула в кафе, которое встретилось по дороге к дому. Взяла по шарикку клубничного, ванильного и шоколадного мороженого. Поняла, что последнее — вне конкуренции, и сделала первую запись в блокноте. Вторая, неуверенная: кажется, ей все-таки нравится красный цвет, но и серебристо-серый тоже ничего. А еще красиво смотрится оттенок пыльной розы, как платье у девушки за барной стойкой.

Раздавшийся за соседним столиком рингтон заставил ее поморщиться. Деми уверенно вывела в блокноте — рок, эту грохочущую пародию на настоящую музыку, она терпеть не может. Осталось только узнать, какая музыка не входит в эту категорию. Наверняка классика, раз она играет на пианино... Или она мыслит стереотипно? Проще всего прослушать плейлист на смартфоне. Но она была права тогда, хоть и не помнила, как говорила это Элени... маме. Все эти вещи нужно пропустить через себя, чтобы понять, какое место они занимают в ее жизни.

Деми прогулялась по парку, вглядываясь в скользящие перед ней лица. Подумалось, что все возможные определения амнезия подменяла в ее голове словом «знакомый». Знакомое кафе вместо любимого